

УДК 17.177

doi: 10.47475/1994-2796-2025-495-1-39-52

ТРАНСФОРМАЦИЯ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА: ВОЗМОЖНЫЕ СЦЕНАРИИ

А. Н. Лукин¹, С. С. Домрачев²

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Челябинский филиал, Челябинск, Россия, anlukin@mail.ru, 0000-0001-9235-6896

² Военный учебно-научный центр военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина», Челябинский филиал, Челябинск, Россия, ssdomrachev@mail.ru, 0009-0005-1624-0791

Аннотация. Мы являемся свидетелями бурного развития цифровых технологий, которые переформируют всю социальную жизнь. Многие современные эксперты пытаются предсказать последствия цифровизации общества, всё большего использования искусственного интеллекта в экономике, науке, социальной сфере, в военной практике и в геополитике. В не меньшей степени нас должны интересовать духовные последствия происходящих изменений. Именно духовное измерение человека во все времена составляло наиболее значимую часть предметной области философии. В статье представлен анализ возможной трансформации духовной жизни человека формирующегося цифрового общества. Социум, будучи сложноорганизованной диссипативной системой, периодически проходит через бифуркационное состояние, претерпевая качественные изменения. Духовная сфера, хотя и взаимосвязана с другими сферами жизни, жёстко не детерминирована последними. При всём многообразии индивидуальных духовно-нравственных интерпретаций смысла человеческого бытия и уникальности человеческой экзистенции, в истории человечества встречаются духовные ценностные комплексы, которые могут быть условно сведены к нескольким основным типам, каждый из которых имеет потенциал стать регулятором поведения человека внутри общества цифровой цивилизации на локальном или глобальном уровне. В этом смысле, будущее человечества однозначно не определено достижениями в сфере цифровых технологий и искусственного интеллекта, так как духовное измерение цифрового общества может быть разным, а это обусловит отношение человека к себе, ближнему кругу окружающих людей, Человечеству в целом и Природе. Обладая невиданной до этого технической мощностью, человек может стать причиной гибели всего живого на планете, но также способен создать условия для оптимального развития социума, открывающие новые возможности для духовного роста человека в его коэволюции с Природой. Будущее человечества зависит не только от научно-технического прогресса, но и от того, какая система духовных ценностей станет доминирующей в социуме на ближайшие десятилетия. Нет однозначной траектории изменений духовной сферы в связи с цифровизацией разных сфер жизни общества и внедрением технологии искусственного интеллекта в социальную практику. Используя терминологию синергетики, отметим, что каждый конкретный социум, проходя цифровую трансформацию, попадает в бифуркационное состояние, при прохождении через которое возможен выход на один из возможных аттракторов. Случайность, связанная с субъективным фактором, деятельностью отдельных личностей и групп, может и будет иметь решающее значение для духовного облика человечества будущего, в котором могут быть локально представлены разные по своим духовно-ценностным комплексам социальные системы. В этом исследовании использован сценарный подход для того, чтобы показать возможные варианты трансформации духовно-нравственной жизни человека при переходе к цифровому обществу. Обращаясь к философским сюжетам прошлого, осуществили ретроспективный анализ, исходя из того, что в философском знании присутствует непреодолимый компонент, который может быть экстраполирован на настоящее и будущее социума. Синергетическая методология позволила нам рассмотреть нынешнее состояние общества как бифуркационное и увидеть возможные сценарии будущего как вероятные аттракторы, на которые может выйти социум в результате происходящих сейчас в нём качественных изменений. Под аттрактором в синергетике понимают относительно устойчивое состояние системы, которое как бы «притягивает» к себе всё множество «траекторий» системы, определённых разными начальными условиями.

Ключевые слова: нравственность, духовная сфера, ценности, цифровое общество, общественное сознание, духовность, культура

© Лукин А. Н., Домрачев С. С., 2025

Для цитирования: Лукин А. Н., Домрачев С. С. Трансформация духовной жизни человека цифрового общества: возможные сценарии // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 1 (495). С. 39–52. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-495-1-39-52.

Original article

TRANSFORMATION OF THE SPIRITUAL LIFE OF A PERSON IN DIGITAL SOCIETY: POSSIBLE SCENARIOS

Anatoly N. Lukin¹, Sergey S. Domrachev²

¹ Russian Academy of National Economy and Public Service President of the Russian Federation, Chelyabinsk branch, Chelyabinsk, Russia, anlukin@mail.ru, 0000-0001-9235-6896

² Military Educational and Scientific Center of the Air Force Air Force Academy named after Professor N. T. Zhukovsky and Yu. A. Gagarin”, Chelyabinsk branch, Chelyabinsk, Russia, ssdomrachev@mail.ru, 0009-0005-1624-0791

Abstract. We are witnessing the rapid development of digital technologies that are reformatting all social life. Many modern experts are trying to predict the consequences of the digitalization of society, the increasing use of artificial intelligence in the economy, science, social sphere, in military practice and in geopolitics. We should be no less interested in the spiritual consequences of the changes taking place. It is the spiritual dimension of man that has at all times constituted the most significant part of the subject area of philosophy. The article presents an analysis of the possible transformation of the spiritual and moral life of a person forming a digital society. Society, being a complexly organized dissipative system, periodically goes through a bifurcation state, undergoing qualitative changes. The spiritual sphere, although interconnected with other spheres of life, is not strictly determined by the latter. With all the diversity of individual spiritual and moral interpretations of the meaning of human existence and the uniqueness of human existence, in the history of mankind there are spiritual value complexes that can be conditionally reduced to several main types, each of which has the potential to become a regulator of human behavior within the society of digital civilization on a local or global level. In this sense, the future of humanity is not clearly determined by advances in the field of digital technology and artificial intelligence, since the spiritual dimension of digital society can be different, and this will determine a person's attitude towards himself, his inner circle of people around him, humanity as a whole and Nature. Possessing unprecedented technical power, a person can cause the death of all life on the planet, but is also capable of creating conditions for the harmonious development of society, opening up new opportunities for the spiritual growth of man in his co-evolution with Nature. The future of humanity is definitely not predetermined. And this future depends not only on scientific and technological progress, but also on which system of spiritual and moral values will become dominant in society in the coming decades. There is no clear trajectory of changes in the spiritual and moral sphere in connection with the digitalization of various spheres of society and the introduction of artificial intelligence technology into social practice. Using the terminology of synergetics, we note that each specific society, undergoing a digital transformation, finds itself in a bifurcation state, when passing through which it is possible to reach one of the possible attractors. Accident associated with the subjective factor, the activities of individuals and groups, can now be of decisive importance for the spiritual and moral appearance of future humanity, in which social systems different in their spiritual and value orientations may be locally represented. We used a scenario approach to show possible options for transforming a person's spiritual and moral life during the transition to a digital society. Turning to the philosophical subjects of the past, we carried out a retrospective analysis, based on the fact that in philosophical knowledge there is an irresistible component that can be extrapolated to the present and future of society. The synergetic methodology allowed us to consider the current state of society as a bifurcation and to see possible future scenarios as probable attractors that society can reach as a result of the qualitative changes currently taking place in it. We also used general scientific methods: abstraction, comparison, description and explanation.

Keywords: moral, spiritual sphere, values, public consciousness, spirituality, digital society, culture

For citation: Lukin AN, Domrachev SS. Transformation of the spiritual life of a person in digital society: possible scenarios. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2025;1(495):39-52. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-495-1-39-52.

Введение

На наших глазах стремительно и радикально меняется мир. Быстрый рост и качественное изменение производительных сил связаны сейчас, прежде всего, с повсеместным внедрением циф-

ровых технологий и искусственного интеллекта. Качественные преобразования происходят в сфере экономики, образования, науки, медицины, коммуникаций, государственного управления. Меняются экономический, политический,

культурный и бытовой пласты человеческой жизни, формируется отличная от прошлого сфера досуга и отдыха. Растёт как объём потребления, так и его технологии. Как отмечают С. В. Тихонова и С. М. Фролова, в «цифровом обществе» приоритетные связи формируются посредством цифровых сервисов или, как минимум, опираются на дублирование традиционных и цифровых способов их установления и поддержания [24, с. 287].

Для обозначения перемен в социуме, связанных с цифровизацией экономики, социальной сферы и культуры появился термин «цифровая трансформация», в результате которой благодаря революционным способам коммуникации формируется новая социальная реальность, возникают инновационные виды экономической деятельности, а также модели бизнеса, продукты и услуги. На основе цифровых технологий модернизируются традиционные отрасли экономики.

Всё это происходит на фоне обострения международных проблем. Утрата коллективным Западом лидирующего положения, его попытки затормозить этот процесс, с одновременным формированием новых центров международного политического влияния, приводят к нарастанию хаотизации в международных отношениях, что выражается в росте международного напряжения, возникновении новых и обострении старых очагов напряжения, эскалации насилия. Усиливается и усложняется идеологическое противоборство. Радикальные экономические и технологические изменения накладываются на обострение геополитического противостояния. Человечество приходит в точку бифуркации — возникает неопределённость в отношении того, будет ли увеличиваться уровень хаотизации мировой цивилизации вплоть до фатального финала или осуществится переход на новый уровень организации человеческого сообщества. В этой ситуации именно духовно-ценностная система выполняет важнейшую регулятивную функцию в социуме. Поэтому трансформация этой сферы существенным образом влияет на атрибутивные признаки того аттрактора, на который выходит социальная система в результате своих преобразований. При этом, духовность — синергия трансцендентных начал познавательного, нравственного и эстетического

Россия оказалась в эпицентре происходящих масштабных изменений. После неудавшейся попытки в 90-е гг. XX в. — начале XXI в. войти в состав западной цивилизации, едва не обернувшейся для нашей страны утратой суверенитета,

российское общество, проходя через серьёзные испытания, пытается выйти на новый аттрактор, который бы обеспечил стабильность социума на ближайшие десятилетия. Под аттрактором в синергетической методологии понимается состояние системы, к которому она может эволюционировать. Как отмечают С. М. Князева и А. Л. Туробов, влияние аттрактора сводится к тому, что он как будто из будущего детерминирует (притягивает к себе) траекторию изменения системы в настоящем, если эта система к нему приближается [11]. Состояние пока не наступило, его нет в действительности, но оно «каким-то загадочным образом протягивает щупальца из будущего в настоящее». В плане методологии, аттрактор можно рассматривать по аналогии с целью, которую «определила» себе система. У изменяющейся системы может быть несколько возможных альтернативных структур-аттракторов. При этом она может перейти только в одно конкретное состояние, но не во что-то среднее между ними [Там же]. Выйдя на определённый аттрактор, система приобретает стабильность, предсказуемость своей эволюции на какое-то определённое время. Таким аттракторами в истории нашей страны, очевидно, являлись Московское царство, императорская Россия, советское общество. Многие эксперты обоснованно считают синергетику новой формой диалектики, так как она исследует необратимые качественные преобразования сложноорганизованных (в том числе социальных) систем. В ходе развития они не могут вернуться в прошлое своё состояние. Поэтому призывы воссоздать Советский Союз в прошлом его виде совершенно не обоснованы. Хотя какие-то черты прошлого в снятом виде могут присутствовать в новом качестве. Это в полной мере может касаться духовных ценностей, способных в новых условиях играть важную роль регулирования социальных отношений, формирования смысла человеческой жизни. Но это не станет полным повторением прошлого опыта, так как на наших глазах коренным образом меняется искусственная среда человеческой жизни.

В наши дни России приходится отвечать и на обострившиеся вызовы в сфере национальной безопасности в самых разных областях — военной, экономической, научно-технологической и духовной. Именно в духовной сфере сейчас постепенно вызревает осознание того, ради чего россияне должны преодолевать нынешние трудности, не только тратя на это значительные ресурсы, но и принося в жертву многие человеческие жизни.

В чём ментально мы отличаемся от западной цивилизации, которая в очередной раз бросает нам вызов, и в чём вообще смысл человеческой жизни? Как отмечал русский религиозный философ С. Н. Булгаков, «бессмысленность или утрата смысла жизни человеком должна быть преодолена» [4]. Без этого не может быть обеспечена социальная стабильность, а все стратегические планы социально-экономического развития страны остаются необоснованными. Всякие бурные социальные перемены сопровождаются усилением рефлексии смысла человеческой жизни. И если развитие науки и технологий происходит по экспоненте, то в духовно-нравственной сфере такого не наблюдается.

При всех различиях, можно выделить ряд базовых духовно-ценностных комплексов, которые встречаются в социумах разных исторических эпох, экономических укладов и политических режимов. Доминирование одних установок сменяется другими, но при этом, уйдя на периферию общественного сознания, духовно-ценностные системы не исчезают вовсе, а продолжают регулировать поведение людей на локальном уровне (отдельных индивидов и групп), при этом через какое-то время могут снова стать востребованными для широких масс. На эту закономерность цикличности культурных типов обратил ещё П. А. Сорокин, который вообще сводил многообразие социальных перемен в человеческой истории к постоянному чередованию трёх типов культуры (по доминирующей иерархии духовных ценностей): 1) идеациональному, связанному с верой в Бога как носителя и образца духовных ценностей; 2) чувственного, с ориентацией на предметный окружающий мир и гедонизм во всех его проявлениях; 3) идеалистического, как переходного от идеационального к чувственному [22].

Поэтому вряд ли наступающая цифровая эпоха создаст принципиально новую человеческую духовность. Скорее, произойдёт синтез нового предметного бытия с какой-либо системой духовно-нравственных ориентиров человека. Важно понять, какие при этом возможны сценарии и какие будут возникать при их реализации последствия.

Влияние цифровой трансформации на духовную природу человека

Остановимся на характеристике исходных понятий.

Исторически более ранним понятием является «духовность». В античной философии этим термином обозначалось и нечто физическое — эфир и идеальное — разум. В христианской догмати-

ке дух обладает творческим началом. У Г. Гегеля дух рассматривается как идея.

Доктор философских наук Т. П. Короткая так определяет сущность духовности: «Это высший уровень культурного развития, характеризующий собственно человеческое в данном человеке, способность руководствоваться в своём поведении высшими ценностями общественной жизни. Духовность — умение личности понимать своё место в мире и обществе, в культуре, сознавать своё единство с ними, с народом и историей. Важной характерной особенностью трактовки понятия «духовное» является понимание его связи с творчеством и свободой человека. Духовность выступает в качестве импульса творческой активности человека, она связана с его творчески преобразующей деятельностью» [14, с. 222].

Приведём ещё одно определение духовности, в котором акцент делается на том, что это атрибутивное свойство человека. Л. А. Коневских пишет: «Духовность — это атрибутивное свойство человеческой сущности, присущее субъекту умение и усилие приобщаться к культуре, востребовать и применять позитивные смыслы и опыт предыдущих поколений на практике; нравственно-этическое состояние субъекта, возникающее в процессе постоянно осуществляемого им выбора, трансцендирования к ценностям и идеалам, выходящим за пределы обыденных человеческих возможностей; процесс взаимодействия через него трансцендентного и имманентного» [13, с. 8]. Автор данного определения отмечает момент, созвучный с позицией П. А. Сорокина, приведённый нами ранее. Она обращает внимание на то, что «духовное развитие субъекта происходит под знаком сменяющихся в истории духовных доминант, позволяющих личности прорабатывать и усваивать специфические духовные основания взаимодействия с природой, обществом и самим собой, саморазвивая и самосовершенствуя свою духовную сущность» [Там же].

При рассмотрении проблемы влияния цифровизации общества на духовное развитие этот вывод приобретает значение символического ключа, открывающего чёрный ящик, где находится данная проблема.

Итак, что и как будет влиять в процессе становления цифрового общества на духовный мир социума и личности, формируя их новый облик.

Появлением термина «цифровое общество» мы обязаны австрийскому и американскому экономисту Ф. Махлупу, который ввёл его в работе «Производство и применение знания в США».

Хотя эта идея ранее сформулирована японским учёным Ю. Хаяши на рубеже 60-70 х гг. прошлого столетия.

Происхождение термина «цифровизация» связывают с работой американского учёного Н. Нагронте «Жизнь в цифровом мире», где он обосновывает неизбежную цифровизацию всех сфер общественной жизни.

Исследователь цифрового общества Д. Добринская в своей статье пишет: «В настоящее время термин «цифровизация» используется в узком и широком смысле. В узком смысле под цифровизацией понимается преобразование информации в цифровую форму. В широком смысле цифровизацию рассматривают как современный общемировой тренд развития экономики и общества, который основан на преобразовании информации в цифровую форму и приводит к повышению эффективности экономики и улучшению качества жизни. Являясь результатом информатизации и компьютеризации, цифровизация становится следующим этапом развития технологий [8, с. 189].

Учёные, исследующие данную проблему, пытаются терминологически определить и обозначить появляющуюся новую социальную реальность.

В своей недавно увидевшей свет работе «Машина, платформа, толпа. Наше цифровое будущее» американские исследователи Э. Макафи и Э. Бриньолфсон назвали наступающую эпоху «второй эрой машин, в которой машины, платформы и толпа играют ключевую роль» [18].

Ещё одна американская исследовательница М. Чайко полагает, что вызревающее новое социальное качество заключается в том, что современный человек живёт техно-социальной жизнью, характеризующейся «суперсвязной цифровой средой, в которой функционируют техно-социальные институты: семья, медицина, политика, экономика, религия и т. д.» [27].

Североамериканские учёные канадец Бари Уэллман и гражданин США Ли Райн в своей работе «Связанные сетью. Новая общенациональная система» утверждают, что современное общество — это новая социальная система, сущностью которой является сетевой индивидуализм. Он возникает как результат воздействия движущих сил тройной революции: социальных сетей интернета и мобильных коммуникаций.

Уже упоминавшаяся нами исследователь цифрового общества Д. Добринская даёт такое его определение цифрового общества: «...это общество, инфраструктура которого функционирует посредством цифровых информационно-ком-

муникационных технологий, а базовой формой организации и социального взаимодействия являются сети. При этом «цифровое» отнюдь не является лишь технической характеристикой. «Цифровое» означает то, что жизнь современного человека, его социальные взаимодействия, культурные смыслы и значения, которыми они наполнены, определяются возможностями, предоставляемыми новейшими цифровыми технологиями [8, с. 190].

Философская мысль пытается отразить влияние цифровизации на духовную природу человека. Ряд экспертов, например, А. Сорочайкин, оптимистично смотрят на происходящие перемены, будучи убеждёнными, что «цифровой паводок» схлынет, и социальная система адаптируется к новым реалиям» [23, с. 7]. Человеческая духовность не будет отброшена как пережиток прошлого, так как духовно-ценностное измерение является атрибутом человеческого бытия. Следовательно, в переформатированном социуме духовные ориентиры так или иначе займут подобающее им место. Цифровые технологии и искусственный интеллект останутся средством обеспечения человеческой жизни, но смысл этой жизни по-прежнему будет продуцироваться в духовной сфере.

Известный футуролог Ё. Масуда предлагает свою позитивную характеристику общества будущего, названного им «Компьютопией», которая имеет ряд привлекательных черт:

- 1) высвобождение времени для человека, которому не нужно будет тратить его на обеспечение материальных условий жизни;
- 2) обоснованность принимаемых решений и равенство возможностей, так как компьютер для любого человека рассчитает варианты действий, вне зависимости от его интеллектуальных способностей, опыта и уровня образования;
- 3) появление множества свободных сообществ, так как люди будут интегрироваться по интересам, а не по производственной необходимости;
- 4) возникнет синергетическая взаимосвязь в обществе, так как цифровые средства соединяют всех вне зависимости от расстояний;
- 5) не будет свехуправляемого общества, так как синергетическая рациональность в цифровом обществе заменит принцип свободной конкуренции индустриального общества [19].

Неслучайно «Компьютопия» (название работы Ё. Масуды) созвучна с понятием «утопия». На наш взгляд, приведённый выше анализ односторонний, так как помимо указанных

позитивных возможностей цифровое общество таит в себе ряд угроз человечеству, для нейтрализации которых потребуются серьёзные усилия. Высвобождающееся время человек не обязательно будет использовать для собственного духовного и физического развития. Кроме того, виртуальная реальность несёт реальную опасность возникновения интернет-зависимости, манипулирования массовым сознанием, ведения информационных войн и т. п.

Есть исследователи цифрового общества, которые считают, что статус отдельного индивида в нём повышается, так как он может самостоятельно выбирать источники информации и лично участвовать в создании информационных потоков, высказывать своё мнение в Сети, давать комментарии по любому вопросу, общаться с тысячами лично незнакомых ему людей, находящихся от него за тысячи километров, добавлять или блокировать новые каналы информации для личного пользования, объединяться в группы по интересам с другими пользователями Интернета, предпринимать усилия по расширению круга своего влияния. Личность получает реальную возможность оказывать воздействие на процессы, происходящие в месте проживания, стране и даже мире.

Наряду с позитивными перспективами происходящей трансформации, философская рефлексия цифрового будущего позволяет выделить ряд вызовов, на которые человечество должно найти ответ. Например, Е. Елькина описывает «цифрового человека» как «узко-специализированного» индивида, который под воздействием цифровых технологий и искусственного интеллекта рискует потерять собственную идентичность если недооценит угрозы, исходящие от искусственного интеллекта, и не обеспечит нужный уровень государственного и социального контроля за развитием цифровых технологий [10, с. 60].

Серьёзную озабоченность у тех, кто раздумывает над последствиями бурной киборгизации социума, вызывают потенциальные действия роботов в ситуации, когда принимаются решения, требующие следования не логике, а чувствам. Человек способен в некоторых случаях осознанно принести себя в жертву ради любви к ближнему или отечеству, отказаться от материальной выгоды, чтобы не испытывать угрызений совести. Возможно, именно в таких критических ситуациях как раз и проявляется подлинная сущность человека как духовного существа. Но у роботов нет чувств и угрызений совести. Хотя ряд учёных

отмечает, что создаются программы, которые позволяют наблюдать у роботов проявление подобия человеческих чувств, всё же это пока ещё только приблизительный и весьма слабый аналог.

О. Колосова обозначает ещё одну проблему — как сохраниться человеку в хронотопе цифрового общества с его материальным телом, где чувствительность и физиология кажутся рудиментом [12, с. 80]. Не населят ли со временем Землю киборги с невероятными по нынешним меркам возможностями преобразования окружающего мира, но напрочь лишённые способности сострадать, радоваться и грустить, у них не будет угрызений совести, как всего того, что не поддаётся оцифровке, а значит должно быть преодолено в «Homo Digital». Но что здесь останется от человека? Как сетует А. Ф. Фортунатов, в обществе, где переход в офлайн равнозначен социальной смерти, большие данные уже сейчас позволяют подвергнуть глубокому анализу скрытые качества человеческой личности, дать точный прогноз её поведения и принять за неё обоснованное решение (компьютер просчитывает всё быстрее и глубже). Следуя этой тенденции, социум постепенно может превратиться в массу бессмысленных единиц. Величайшее заблуждение технократов, отмечает он, в том, что праздность и отсутствие усилий для достижения целей сделает человека счастливым. По мнению А. Ф. Фортунатова, только идея труда как самоцели человека может вывести его из онтологического тупика, не допустить саморазрушения [25, с. 44]. Вот только все ли люди смогут отказаться от соблазна сытой праздной жизни, предлагаемой цифровыми технологиями и искусственным интеллектом? «Цифровой гедонизм» содержит в себе вполне реальную угрозу выхолащивания из человека его духовности, а, следовательно, содержит опасность отрицания человека как такового.

На опасность манипулятивного управления сознанием масс с помощью цифровых технологий в условиях доминирования нескольких коммуникативных платформ указывает А. Рябов, который также отмечает то, что монополизм цифровых платформ означает переход к капитализму нового уровня и качества. Цифровые монополии превратились в серьёзных конкурентов государственной власти, а в конечном счёте это должно закончиться сращиванием государства, обладающего силовой мощью, и цифровых гигантов, доминирующих в сфере экономики и искусственного интеллекта. Так возникнет новая форма государственно-монополистического капитализма [21, с. 23].

Такую форму государственного устройства можно будет назвать «постдемократией», где формальное участие граждан в управлении обществом будет сводиться к предсказуемым реакциям в ответ на манипулятивные воздействия политтехнологов в Интернет-пространстве. При наличии контроля над инфраструктурой мгновенного распространения информации, которая на первый взгляд выглядит убедительной, появляются неограниченные возможности для манипуляций и внешнего управления. Граждане при этом будут пребывать в иллюзии, что они сами подключаются к авторитетным для них каналам информации и производят оценку событий и фактов, тогда как их выводы умело и незаметно навязаны, а реакции просчитаны. Бороться с этим непросто. Пока все существующие системы мониторинга Интернет-пространства и блокирования источников дезинформации далеки от совершенства.

Многие видят положительную сторону цифровой трансформации человеческого бытия в том, что создаются условия дальнейшего увеличения объема потребления в развитых странах мира. Появляются всё новые и новые товары и услуги. Искусственный интеллект постепенно сократит до минимума рабочее время человека, существенно увеличив время на личное потребление. То, что было доступно ещё недавно только элитам, уже становится нормой для среднего класса. Впрочем, для элиты постоянно поступают новые, будоражащие воображение эксклюзивные предложения роскошной жизни, отдыха и развлечений. Однако безудержный рост потребления не является индикатором глубины и развитости духовной жизни человека. Формируется психология потребителя, согласно которой всё рассматривается сквозь призму личной выгоды. Постепенно складывается ситуация, когда материальную основу жизни можно создать, не объединяясь с половым партнёром в браке. Временные контакты и связи, всевозможные суррогаты как бы семейных отношений позволяют сохранять личную свободу. Кризис семьи в таких обстоятельствах неизбежен. Дети в обществе потребления потенциальными родителями всё чаще воспринимаются как помеха для беззаботной эгоцентричной жизни. По сути, во многих странах, вступивших на путь цифровой трансформации параллельно запущен процесс депопуляции. Однако, мы не связываем напрямую цифровизацию жизни общества и описанную здесь проблему, так как считаем, что на одной и той же тех-

нологической основе могут функционировать общественные системы с разной духовной организацией. Анализ этого представлен в следующей части статьи.

Как мы отмечали в одной из прошлых наших работ, «всякая социальная система имеет внешние универсальные пространство и время и внутренний хронотоп, заданный её структурными особенностями, взаимосвязями между элементами» [17, с. 29]. Если рассматривать социальные пространство и время как формы координации сосуществующих объектов, то следует понимать, что хронотоп цифрового общества задаётся не только новыми технологиями, но и духовными ориентирами, которые не в меньшей степени влияют на положение человека в новой реальности. Комбинации духовных и технологических компонентов не predetermined однозначно. При прохождении через точку бифуркации возможен выход на тот или иной аттрактор, с присутствием ему сочетанием духовности и технологичности. Окружённые современными достижениями технологической мысли жители Шанхая, Эр-Рияда, Нью-Йорка и Москвы погружены в разный контекст духовной жизни, по-разному относятся к миру и своему месту в этом мире. «Конец истории», который связывался с неизбежной победой либеральных ценностей западного образца в планетарном масштабе так и не наступил. Напротив, на повестке дня формирование полицентричного мира, предполагающего сосуществование цивилизаций с различными культурными кодами.

Всё многообразие духовно-ценностной регуляции и состояния общественной жизни можно, на наш взгляд, свести к нескольким основным моделям или их комбинациям. Эти модели могут сочетаться с разными технологическими фундаментами общества. Цифровизация человеческого бытия не отменяет возможностей выбора духовных ориентиров собственной жизни. Осмелимся высказать предположение, что серьёзное влияние на выбор моделей ценностного бытия будут оказывать получившие на данный момент широкое распространение философские парадигмы: постмодернизм, кантовская идея следования долгу, религиозные идеалы, гуманистическая традиция.

Постмодернистская модель духовного освобождения личности

По признанию Ж. Делёза, постмодернизм делает решительную попытку полной реконструкции мира человека [5], вплоть до того, что мир субъекта провозглашается ничем иным как его галлюцинацией. Цифровая трансформация

при этом способствует, по выражению А. В. Павленко, «виртуализации человеческого и очеловечивания внеантропной реальности» [20]. Как отмечают Д. Ю. Дорофеев и В. Н. Семёнова, мир предстал как фундированная языком система знаков, текстов, мифологем и идеологем, которую можно семиотически понять, расшифровать, деконструировать, в случае необходимости поиграть с ним (благо, признаются множественные правила таких игр), а то и просто свести к симулякру, результату новой софистики языковых игр [9, с. 689]. Однако, на наш взгляд, постмодернистская установка освобождения человека от диктата навязываемых ему обществом традиций и ценностей ради обретения личной свободы, с самого начала была обречена на неудачу.

Постмодернизм возник как реакция на разочарование европейцев в духовных системах, построенных на так называемом «законодательном разуме» (термин Ж.-Ф. Лиотара) — фашизме, расизме, марксизме, маоизме, платонизме, христианстве и пр. Отсюда вытекает его желание осуществить «деконструкцию» (термин Ж. Деррида) всего того, что на протяжении десятилетий и даже веков воспринималось как нечто незыблемое, будь то религия или идеология [7]. Примерно то же содержание Ж.-Ф. Лиотар вкладывает в свой призыв отказа от ««метанаррации», т. е. от услуг «законодательного разума». Всё нужно подвергнуть критике, переосмыслить, высмеять. Не должно остаться в культуре ничего сакрального, авторитетного, не подвергаемого сомнению [15]. Только таким образом, по мнению постмодернистов будет обеспечена свобода личности. Согласно Ж. Делёзу и Ф. Гваттари, среди постоянно чередующихся виртуальных структур-ризом ни одна из них не должна получить аксиологического предпочтения [6]. В постмодернизме в принципе отсутствуют какие-либо предпочтения. Ориентация на идеалы должна быть преодолена, так как она формирует стандартного человека, а современный человек должен быть свободен в своих мыслях и поступках. Никакая религия или идеология, согласно парадигме постмодернизма, не может навязывать человеку шаблон мышления и поведения. Если экстраполировать эти идеи на цифровое общество, получается, что оно создаёт условия для освобождения человека от диктата законодательного разума, так как индивид получает неограниченный доступ к разнообразным источникам информации и выбирает каналы коммуникации в соответствии со своими предпочтениями.

Однако никакого полного освобождения человека от социума так и не произошло. Следуя духу постмодернизма, мы попадаем в ситуацию господства нового догматического мышления. Теперь постмодернистский стиль провозглашается единственно верным. Просто используются иные формы подчинения. Мода и реклама занимают место пропаганды, перформансы пришли на смену ритуалам, влияние социальных сетей по мощи воздействия на массы не уступает идеологии и т. д. Кто не вписывается в новый образ — тот провозглашается ретроградом, врагом свободы, адептом тоталитаризма. Некогда свободная европейская пресса давно утратила этот статус, так как журналист, не вписывающийся в постмодернистский мейнстрим, подвергается остракизму. Новое духовное рабство может оказаться гораздо более жестоким. При соединении цифровой трансформации и постмодернистского понимания свободы личности может произойти быстрое расчеловечивание индивида. Сетевое мышление способно сделать его лёгкой добычей придуманных социальными технологами алгоритмов манипулирования сознанием. Добровольно выбирая себе группы и сайты, индивид не всегда в состоянии вовремя уйти из-под их влияния. Под воздействием мощных технологий типа нейролингвистического программирования человек может стать простой игрушкой в руках «кукловодов», находящихся от него за многие километры. Уже сейчас есть факты вербовки людей через Интернет в структуры террористических и экстремистских организаций. Эта реальная, на наш взгляд, угроза цифровому обществу, которая требует своего преодоления. Без эффективного государственного регулирования при взаимодействии власти с институтами гражданского общества такую сложную проблему не решить.

Авторы полагают, что современный тип духовно-нравственной регуляции в странах Запада имеет много схожего с периодом разложения Римской империи, когда гедонизм, размывание нравственных ориентиров достигли угрожающего для существования социальной системы уровня. В полной мере это касалось элиты. Именно это состояние П. А. Сорокин описал как завершение господства чувственной культуры эпохи античности и предсказал, что современное западное общество будет переживать нечто подобное уже в ближайшем будущем. Отрицанием крайней чувственности поздней античности стало зародившееся в кризисном социуме христианство. Следом за нынешним периодом деградации

чувственного типа западной культуры тоже должно произойти что-то спасительное. Как пишет русский мыслитель П.А. Сорокин, «обществу будет дарована новая харизма» [22]. Как это будет происходить в реальности, пока не вполне понятно. Возможно, современное западное общество ещё не перешло в кризисный режим с обострением, когда быстрое переформатирование социума станет неизбежным условием выхода на новую устойчивую траекторию социального развития. На спасительную возможность подобного сценария указывают некоторые западные теоретики-консерваторы, например, П. Бьюкенен в своей резонансной книге «Смерть Запада» [3]. Он надеется на возвращение западной цивилизации к христианским идеалам, как способу преодоления углубляющегося её духовного кризиса. Правда пока влияние христианства на социум в Северной Америке и Европе только снижается.

В этой связи представляется обоснованным стремление России отстраниться от характерной для стран Запада траектории духовного развития, при которой уже в недалёком будущем может начаться хаотизация общества при снижении качества духовных механизмов социальной регуляции.

Следование долгу как добровольно принятому обязательству в светском обществе

Эта модель подробно описана И. Кантом и связана с его пониманием нравственного категорического императива. Личность интуитивно воспринимает следование долгу как единственно правильную линию поведения. По утверждению М. Бахтина, должествование есть «категория индивидуального поступка, даже более, категория самой индивидуальности, единственности поступка, его незаменимости и незаместимости, единственности нудительности, его историчности» [2, с. 26–27].

Понимание долга формируется в семье, школе, коллективе, в том числе через трепетное отношение к традициям, посредством системы образования, воспитания, искусства и пр. Хотя понимание долга перед обществом формировалось в традиционном религиозном социуме, в светском обществе долг по инерции продолжает осуществлять социальную регуляцию. Даже на краю экзистенциальной бездны, осознавая абсурдность ограниченного в пространстве и времени индивидуального бытия на фоне бесконечности Вселенной, лишённый спасительной веры в трансцендентное, среднестатистический современный человек способен, по выражению А. Камю, к «бунту против абсурда», интуитивно следуя чувству долга,

привитому ему социумом, тем самым пытаясь сохранить в себе человеческую сущность — хоть какую-то опору в своём, по точному определению М. Хайдеггера, безальтернативном «бытии к смерти» [26].

И в цифровом обществе долг как регулятор поведения может играть позитивную роль. Его воспроизводство в социуме должно и будет поддерживаться традициями, которые прививаются системой образования и воспитания. Здесь важно не только то, что содержательно вкладывается в понятие «долг». Не менее значимо эмоциональное отношение личности к действиям, продиктованное чувством долга. Поэтому обряды, церемонии, ритуалы, художественные образы искусства, примеры жизни героев важны при воспитании человека долга. Даже в современном западном обществе в условиях культивирования постмодернистских установок, значительный сегмент социальных отношений регулируется пониманием долга. Хотя наблюдающееся сейчас разрушение институтов семьи и религии, культ потребления постепенно размывают традиционные духовные основы общества, определённая часть социума по-прежнему готова следовать долгу при выстраивании траектории собственной жизни. Вот только доля таких людей будет постепенно сокращаться, если не осуществить поворот в сторону культивирования традиционных ценностей.

Ориентация на идеалы, сформированные религией

У верующего человека есть чёткий образец поведения, предписанный наиболее авторитетным источником — Богом. Цель жизни для религиозных людей — обретение вечного блаженства за пределами конечного земного существования. Бог, как неподкупный судья, справедливо оценивает поступки и даже мысли человека и воздаёт каждому по заслугам.

Христианство при этом содержит в себе живой образ богочеловека, который ради любви к людям претерпел крестные страдания и смерть. Он не только оставил людям наставления о правильной жизни, но и показал пример такой жизни — недостижимый идеал, стремление к которому делает христианина более нравственным. По выражению Афанасия Великого, «Бог стал человеком, чтобы человек стал богом» [1]. Все христианские нравственные предписания основываются на двуединой заповеди любви — к Богу и ближнему. Кроме того, христианство даёт шанс любому закоренелому грешнику при искреннем покаянии и принятии духовно-нравственной

системы этой религии получить положительное воздаяние наравне с теми, кто всегда вёл праведный образ жизни.

Ислам, христианство, буддизм, конфуцианство и другие традиционные религии веками являлись источником нравственности для своих последователей. Есть общества, где в наши дни вполне сочетаются высокие цифровые технологии и религиозные ценности, — например, Саудовская Аравия или Объединённые Арабские Эмираты. Поэтому европейские представления о том, что на пути социального прогресса религия будет терять своё влияние в социуме, пока не нашли своего убедительного подтверждения применительно к другим цивилизациям.

В истории были попытки связать уровни образованности и религиозности населения, исходя из того, что рост первого непременно приводит к снижению второго. Это мнение сложилось в Европе в Новое время и сохранилось в эпоху модернизма и постмодернизма. Оно было характерно для нашей страны в советский период. Однако отождествление религиозности и невежества в корне неверно, так как отношение человека к Богу — это предмет веры, а не научного знания. К тому же вера всегда была и будет важным элементом человеческого сознания [16, с. 15]. Уровень религиозности в современной России значительно выше, чем в Советском Союзе. Это демонстрируют результаты всероссийского опроса населения, проведённого Центром исследования гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШУ, согласно которому, 69 % россиян считают себя верующими². Таковыми себя идентифицируют значительное количество российских учёных, деятелей искусства и чиновников. Частично сбывается прогноз П. А. Сорокина о том, что после абсолютизации ценностей чувственной культуры через кризисные процессы может следовать возврат к идеациональному типу культуры, с присущей ему иерархией религиозных духовно-нравственных ценностей [22].

И хотя трудно представить, что в современной России при переходе к цифровому обществу религия будет иметь как в средние века монополию на продуцирование духовных смыслов и норм поведения (всё же государство у нас светское), она в сотрудничестве с другими социальными институтами может оказывать существенное влияние на социальную регуляцию в обществе, если, не устрояя, то снижая остроту описанных выше

проблем цифровой трансформации. Акцент на значимость духовного аспекта человеческой жизни может стать препятствием дегуманизации бытия человека цифрового мира. Важно при этом обеспечить гармонию отношений представителей разных традиционных для России конфессий между собой, а также со светскими институтами гражданского общества при решении важных для социума задач сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей. Здесь нужна взвешенная политика государства и открытость руководителей конфессий к диалогу. Накопленный опыт проведения таких мероприятий как Всемирный Русский собор, Рождественские чтения, православное волонёрское движение, духовная деятельность клириков в зоне специальной военной операции и пр. демонстрирует серьёзный потенциал подобной работы.

И хотя Э. Дюркгейм обосновал тезис о том, что в светском государстве основой нравственности может быть идеология, заменяя в этой роли религию, ни одна идеология не может сравниться с любой из мировых религий сроком своего существования. Даже самые известные идеологии влияли на общественные отношения лишь на протяжении сотен лет, тогда как религии выполняют свою регулирующую функцию на протяжении тысячелетий.

Гуманизм, основанный на вере в творческие возможности человека

В гуманистической традиции, несмотря на её специфику в разные исторические эпохи (от мыслителей Возрождения Ф. Петрарки, Л. Бруни, Л. Альберти и др. к неогуманизму И. И. Винкельмана, И. В. Гёте, Ф. Шиллера, К. В. фон Гумбольдта до творчества современных религиозных философов Ж. Маритена, Р. Нибура, П. Тиллиха и многих других), человек является главной ценностью. Он, как обладатель неограниченной творческой мощи, постепенно раскрывает свой духовный потенциал в истории. Человек, согласно этому философскому взгляду, сам формирует смысл своей жизни. При этом ему нужно в полной мере реализовать свои творческие таланты и способности. Творчество является способом преодоления ограниченности временного человеческого существования.

При доминировании подобных ценностных ориентиров, личность стремится преобразовать общество таким образом, чтобы в нём были созданы все условия для самореализации его членов. Научно-технический прогресс должен обеспечить необходимую и достаточную

² Ведомости. 21.05. 2024.

материальную основу жизни социума, в котором доминируют ценности гуманизма. В этом смысле, установки гуманизма вполне согласуются с идеей перехода к цифровому обществу. Цифровая трансформация формирует новый хозяйственный и бытовой каркас человеческого существования, в котором содержится потенциал для дальнейшего духовного развития человека. Условный индивид Иннополиса будущего может быть освобождён от многих бытовых проблем, а всё высвободившееся время будет мотивирован посвящать образованию, науке, творчеству, спорту, духовным практикам, искусству и т. п. Гуманистические установки могут препятствовать тому, чтобы в обществе неограниченного потребления возобладала практицизм и конформизм, девальвирующие духовную жизнь личности.

Представители этого направления считают, что связывать эволюцию человека исключительно с развитием цифровой техносферы, генетики, искусственного интеллекта и т. п., вне сохранения и совершенствования его духовных ориентиров — это подталкивать социум в сторону постгуманизма, где самому человеку места уже не будет. Ещё одна угроза цифрового общества — утрачивание человеком индивидуальности, «растворение» его в социальных сетях. Те люди, которые примут идеи гуманизма в качестве смысла своей жизни, имеют шанс с этим справиться. Однако важно, чтобы подобные ценностные установки разделялись не отдельными индивидами, а широкими массами.

Гуманизм хорошо согласуется с трепетным отношением к сохранению природной среды, формирует установку на преодоление глобальных проблем современности, так как Человек, согласно этой мировоззренческой традиции, — это величайшая ценность во Вселенной, которую, безусловно, нужно сохранить.

Заключение

Можно перечислить и другие известные из истории духовные комплексы, придающие смысл человеческой жизни — аскетизм, стоицизм (вера в предопределённость судьбы и принятия индивидом этого факта) и пр. Они не описаны здесь подробно, так как в наше время встречаются лишь на локальном уровне и пока не имеют предпосылок стать основным массовым духовным регулятором в цифровом социуме.

Мы рассмотрели основные, на наш взгляд, духовные комплексы, которые могут выполнять регулируемую функцию в цифровом обществе, отдавая себе отчёт в том, что между некоторыми из них нет непроницаемой границы и скорее всего речь может идти об их сочетании и взаимопроникновении. Например, следование долгу может быть присуще как члену светского общества, так и религиозного. Долгом часто руководствуются носители установок гуманизма и т. п. Тем не менее, на наш взгляд, такая условная градация позволяет осуществить более глубокую и точную рефлексию возможного сочетания и взаимопроникновения цифровизации общества и его духовности. Конечно, все нюансы духовной жизни человека будущего сейчас предвидеть невозможно. Но самим обсуждением этой проблематики философское сообщество в какой-то мере принимает участие в формировании ценностей цифрового социума.

Социально-философская мысль должна оперативно реагировать на изменения в экономической и социальной жизни общества, связанные с бурным развитием цифровых технологий и искусственного интеллекта. Важно понять, каким образом это отразится на духовности человека, определить возможные сценарии изменений. Учитывая отсутствие однозначной предопределённости качественного преобразования социальной системы при нахождении её в точке бифуркации, случайность (в обществе это может быть связано с деятельностью конкретных личностей и социальных групп) может привести к выходу на тот или иной аттрактор. Духовно-нравственными скрепами цифрового общества будущего могут быть принципиально разные системы ценностей. Следовательно, на одной и той же технологической базе могут появиться разные модели социума, смысл существования человека в которых может пониматься принципиально отличным образом, что и наблюдалось на протяжении всей новой истории человечества. Выход на аттрактор, обеспечивающий устойчивость системы или, напротив, переход в состояние, вызывающее нарастание хаотизации, во многом будет зависеть от творческого потенциала элит, предлагающих ответы на сложные вызовы современности. Будущее формируется на наших глазах, и мы можем принять активное участие в этом процессе.

Список источников

1. Афанасий Великий. Творения: В 3 т. Том 1: Творения апологетические, догматико-полемические и историко-полемические. / Афанасий Великий. М.: Сибирская Благозвонница, 2015. 864 с.
2. Бахтин М. М. К философии поступка / М. М. Бахтин // Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. М.: Рус. словари, 2003. С. 7–68.
3. Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада / П. Дж. Бьюкенен. М.: АСТ, 2003. 444 с.
4. Булгаков С. Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения / С. Н. Булгаков. М.: Республика, 1994. 414 с.
5. Делёз Ж. Ницше и философия / Ж. Делёз М.: Ад Маргинем, 2003. 392 с.
6. Делёз Ж. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения / Ж. Делёз, Ф. Гваттари. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 895 с.
7. Деррида Ж. Диссеминация (La Dissemination) / Ж. Деррида. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 608 с.
8. Добринская Д. Е. Цифровое общество в социологической перспективе / Д. Е. Добринская // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. Т. 25. № 4. С. 175–192.
9. Дорофеев Д. Ю. Образ человека и визуализация политической коммуникации в эпоху постмодерна / Д. Ю. Дорофеев, В. Н. Семенова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2020. Т. 36. № 4. С. 687–699.
10. Елькина Е. Е. Автотрофный проект — ответ на вызовы и глобальные риски цифровой эпохи / Е. Е. Елькина // Мысль: журнал Петербургского философского общества. 2020. № 22. С. 57–70.
11. Князева Е. Н. Единая наука о единой природе / Е. Н. Князева, А. Л. Туробов // Новый мир. 2000. № 3. С. 161–179.
12. Колосова О. Ю. Человек и общество в новой цифровой реальности / О. Ю. Колосова // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2018. № 2. С. 78–81.
13. Коневских Л. А. Духовность как предмет философско-культурологического анализа Л. А. Коневских. Автореферат дисс... канд. филос. наук. Екатеринбург. 2008. 21 с.
14. Короткая Т. П. Духовность как философская категория / Т. П. Короткая // Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость: материалы XI Междунар. науч.-практ. конференции, Минск, 17 мая 2018 г. Минск: БГЭУ, 2018. С. 222.
15. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар. М.: Институт экспериментальной социологии; С-Пб.: Алетейя, 1998. 60 с.
16. Лукин А. Н. Вера как элемент сознания человека / А. Н. Лукин, С. С. Домрачев // Социум и власть. 2018. № 3 (71). С. 15–22.
17. Лукин А. Н. Хронотоп войны начала XXI века: военно-философский аспект / А. Н. Лукин, С. С. Домрачев // Социум и власть. 2023. № 2 (96). С. 27–37.
18. Макафи Э. Машина, платформа, толпа. Наше цифровое будущее / Э. Макафи, Э. Бриньолфсон. М.: МИФ, 2019. 320 с.
19. Масуда Ё. Информационное общество как постиндустриальное общество / Ё. Масуда. М.: АСТ, 1983. 452 с.
20. Павленко А. В. Философия постмодерна о новых «контурах» описания и понимания человека / А. В. Павленко // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 2–2 (77). С. 52–57.
21. Рябов А. В. О противоречиях и исторических развилках перехода к цифровому обществу / А. В. Рябов // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2022. № 4. (107). С. 23–39.
22. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. / П. А. Сорокин. М.: Изд-во политической литературы, 1992. 543 с.
23. Сорочайкин А. Н. Формирование цифровой философии и цифрового человека в цифровой реальности / А. Н. Сорочайкин, И. А. Сорочайкин // Основы экономики, управления и права. 2021. № 4 (29). С. 7–10.
24. Тихонова С. В. Цифровое общество и цифровая антропология: трансдисциплинарные основания социально-эпистемологических исследований / С. В. Тихонова, С. М. Фролова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19. № 3. С. 287–290.
25. Фортунатов А. Н. Цифровая толпа и цифровой гедонизм: постбытийность информационного общества / А. Н. Фортунатов // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2019. № 4 (26). С. 44–52.
26. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер. Харьков: «Фолио», 2003. 503 с.
27. Chaiko M. (2017) Superconnected: the Internet, digital media, and techno-social life. Newbury Park, 262 p.

References

1. Afanasiy Velikiy. Tvoreniya. [Creations]. V 3 t. T. 1: Tvoreniya apologeticheskiye, dogmatiko-polemicheskiye i istoriko-polemicheskiye. Moscow, Sibirskaya Blagozvonitsa, 2015, 864 p. (in Russ.).
2. Bakhtin MM. K filosofii postupka. [Towards a philosophy of action]. Sobraniye sochineniy: v 7 t. T. 1. Moscow, Rus. Slovari, 2003, pp. 7–68. (in Russ.).
3. B'jukenen PDzh. Smert' Zapada. [Death of the West]. Moscow, AST, 2003, 444 p. (in Russ.).
4. Bulgakov SN. Svet nevecherniy: Sozertsaniya i umozreniya. [Non-evening light: Contemplation and speculation]. Moscow, Respublika, 1994, 414 p. (in Russ.).
5. Deloz ZH. Nitszshe i filosofiya. [Nietzsche and philosophy]. Moscow, Ad Marginem, 2003, 392 p. (in Russ.).
6. Deloz ZH, Gvattari F. Tsyacha plato. Kapitalizm i shizofreniya. [A thousand plateaus. Capitalism and schizophrenia]. Yekaterinburg, U-Faktoriya; Moscow, Astrel', 2010, 895 p. (in Russ.).
7. Derrida ZH. Disseminatsiya. [La Dissemination]. Yekaterinburg: U-Faktoriya, 2007, 608 p. (in Russ.).
8. Dobrinskaya DYe. Tsifrovoye obshchestvo v sotsiologicheskoy perspektive / DYe Dobrinskaya. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya*. 2019;25(4):175-192. (in Russ.).
9. Dorofeyev DYu. Obraz cheloveka i vizualizatsiya politicheskoy kommunikatsii v epokhu postmoderna. [The image of a person and visualization of political communication in the postmodern era]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya*. 2020;36(4):687-699. (in Russ.).
10. Yel'kina YeYe. Avtotrofnyy proyekt – otvet na vyzovy i global'nyye riski tsifrovoy epokhi. [The autotrophic project is a response to the challenges and global risks of the digital era]. *Mysl': zhurnal Peterburgskogo filosofskogo obshchestva*. 2020;(22):57-70. (in Russ.).
11. Knyazeva YeN, Turobov AL. Yedinaya nauka o yedinoy prirode. [A unified science about a unified nature]. *Novyy mir*. 2000;(3):161-179. (in Russ.).
12. Kolosova OYu. Chelovek i obshchestvo v novoy tsifrovoy real'nosti. [Man and society in the new digital reality]. *Ekonomicheskiye i gumanitarnyye issledovaniya regionov*. 2018;(2):78-81. (in Russ.).
13. Konevskikh LA. Dukhovnost' kak predmet filosofsko-kul'turologicheskogo analiza. [Spirituality as a subject of philosophical and cultural analysis]. Avtoreferat diss... kand. filos. nauk. Yekaterinburg, 2008. 21 p. (in Russ.).
14. Korotkaya TP. Dukhovnost' kak filosofskaya kategoriya. [Spirituality as a philosophical category]. *Ekonomicheskiy rost Respubliki Belarus': globalizatsiya, innovatsionnost', ustoychivost': materialy XI Mezhdunar. nauch.-prakt. Konferentsii*. Minsk, 17 maya 2018 g. Minsk, BGEU, 2018. P. 222. (in Russ.).
15. Liotar Zh-F. Sostoyaniye postmoderna. [Postmodern condition]. Moscow, Institut eksperimental'noy sotsiologii; Saint Petersburg, Aleteyya, 1998. 160 p. (in Russ.).
16. Lukin AN, Domrachev SS. Vera kak element soznaniya cheloveka. [Faith as an element of human consciousness]. *Sotsium i vlast'*. 2018;(3(71)):15-22. (in Russ.).
17. Lukin AN, Domrachev SS. Khronotop voyny nachala XXI veka: voyenno-filosofskiy aspekt. [Chronotope of war at the beginning of the 21st century: military-philosophical aspect]. *Sotsium i vlast'*. 2023;(2(96)):27-37. (in Russ.).
18. Makafi E, Brin'olfson E. Mashina, platforma, tolpa. Nashe tsifrovoye budushcheye. [Machine, platform, crowd. Our digital future]. Moscow, MIF, 2019. 320 p. (in Russ.).
19. Masuda O. Informatsionnoye obshchestvo kak postindustrial'noye obshchestvo. [Information society as a post-industrial society]. Moscow, AST, 1983. 452 p. (in Russ.).
20. Pavlenko AV. Filosofiya postmoderna o novykh «konturakh» opisaniya i ponimaniya cheloveka [Postmodern philosophy about new «contours» of description and understanding of man]. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i yestestvennykh nauk*. 2023;(2-2(77)):52-57. (in Russ.).
21. Ryabov AV. O protivorechiyakh i istoricheskikh razvilkakh perekhoda k tsifrovomu obshchestvu. [On the contradictions and historical forks of the transition to a digital society]. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz* (Zhurnal politicheskoy filosofii i sotsiologii politiki). 2022;(4(107)):23-39. (in Russ.).
22. Sorokin PA. Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo. [Human. Civilization. Society.]. Moscow, Izd-vo politicheskoy literatury, 1992. 543 p. (in Russ.).
23. Sorochaykin AN, Sorochaykin IA. Formirovaniye tsifrovoy filosofii i tsifrovogo cheloveka v tsifrovoy real'nosti. [Formation of digital philosophy and digital man in digital reality]. *Osnovy ekonomiki, upravleniya i prava*. 2021;(4(29)):7-10. (in Russ.).
24. Tikhonova SV, Frolova SM. Tsifrovoye obshchestvo i tsifrovaya antropologiya: transdistsiplinarnyye osnovaniya sotsial'no-epistemologicheskikh issledovaniy. [Digital society and digital anthropology: transdisciplinary foundations of socio-epistemological research]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*. 2019;19(3):287-290. (in Russ.).

25. Fortunatov AN. Tsifrovaya tolpa i tsifrovoy gedonizm: postbytiynost' informatsionnogo obshchestva. [Digital crowd and digital hedonism: post-existence of the information society]. *Filosofiya i gumanitarnyye nauki v informatsionnom obshchestve*. 2019;(4(26)):44-52. (in Russ.).
26. Heidegger M. Being and time. [Being and time]. Kharkov, «Folio», 2003. 503 p. (in Russ.).
27. Chayko, M. Superconnected: the Internet, digital media, and techno-social life. Newbury Park, 2017. 262 p.

Информация об авторах

Лукин Анатолий Николаевич — доцент кафедры государственного управления, правового обеспечения государственной и муниципальной службы, кандидат культурологии, доцент.

Домрачев Сергей Станиславович — профессор кафедры военно-политической работы в войсках (силах), кандидат философских наук, доцент/

Information about the authors

A. N. Lukin — Associate Professor, Department of Public Administration, legal support of the state and municipal service Candidate of Cultural Studies, Associate Professor.

S. S. Domrachev — Professor of the Department of Military-Political Work in the Troops (Forces), Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 01.12.2024; одобрена после рецензирования 15.01.2025; принята к публикации 20.01.2025.

The article was submitted 01.12.2024; approved after reviewing 15.01.2025; accepted for publication 20.01.2025.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.